

A man in a dark coat and cap stands on a bridge, looking across a river towards a city with classical buildings and domes. A street lamp is visible on the left.

Владимир Кожедеев

*Детектив
"Имперская
пуговица"*

Исторические детективы

Владимир Кожедеев

Детектив "Имперская пуговица"

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Детектив "Имперская пуговица" / В. Кожедеев — «Автор»,
2026 — (Исторические детективы)

Петербург, 1850 год. Туманный, холодный, полный тайн и интриг город на Неве. На Английской набережной найден мёртвым молодой чиновник Григорий Лавров — сын богатого откупщика, подающий надежды дипломат. На его шее — след удушения тонким шёлковым шнурком, а с мундира аккуратно срезана золотая имперская пуговица. В поисках убийцы Зыбин столкнётся с бывшей прусской шпионкой, прекрасной и роковой Эмилией Штольц; с молодым князем Владимиром Оболенским, запутавшимся в долгах и страхах; с графом Сиверсом, чьё имя связано с государственной изменой; с полковником Гореловым, патриотом и убийцей в одном лице. И с таинственным бароном фон Клейстом, который видел слишком много... Детектив «Имперская пуговица» — это увлекательное путешествие в мир старого Петербурга, где за красивыми фасадами скрываются тёмные страсти, а правда всегда сложнее, чем кажется. Здесь переплетутся судьбы аристократов и дворников, шпионов и сыщиков, любовь и ненависть, предательство и верность.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	13
Глава 4.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Кожедеев

Детектив "Имперская пуговица"

Глава 1.

Имперская пуговица.

В то утро Петербург кутался в молочный кисель тумана. Со стороны Невы тянуло сыростью и гнилью, фонари ещё горели желтоватыми кругами на Гороховой, хотя коллежский асессор Павел Афанасьевич Зыбин уже успел выпить две чашки цикория и теперь морщился от изжоги.

Зыбин служил в сыскной части не по призванию, а по нужде. В тридцать пять лет он уже обрюзг, носил очки в серебряной оправе и отличался от прочих чиновников лишь одним – нюхом. Не тем благородным нюхом, которым берут след гончие, а особенным, канцелярским чутьём на фальшь. Он знал, что любое преступление – это прежде всего поломанная жизнь, но жизнь эту надо было уметь прочесть по бумажкам.

Посыльный от квартального застал его за починкой пера.

– На Английской набережной, ваше высокоблагородие, оказия, – выпалил парень, тряся мокрым картузом. – Господина нашли. Мёртвого.

Карета, нанятая за свой счёт (Зыбин не любил трястись в пролётках по брусчатке), домчала его до места происшествия меньше чем за четверть часа.

У чугунной ограды, выходящей прямо на гранитную набережную, уже толпился народ. Городовые сдерживали любопытных, среди которых мелькали и купеческие бороды, и чиновничьи фуражки. Тело лежало на мокрых плитах тротуара, у самых перил.

Это был молодой человек, почти юноша, в дорогой шинели с бобровым воротником. Светлые волосы его намокли и прилипли ко лбу, а мутные голубые глаза с удивлением смотрели в низкое, набрякшее небо. Зыбин присел на корточки, крикнув от боли в колене.

– Кто таков? – спросил он, не оборачиваясь.

– Титулярный советник Лавров, – отрапортовал квартальный, молодой, но уже с пышными бакенбардами. – Григорий Петрович. Служил в Министерстве иностранных дел. Сын того самого Лаврова, Петра Игнатьича, что винные откупа держит. Богатый наследник, можно сказать.

– Богатый, – эхом отозвался Зыбин, разглядывая руки убитого. Руки были белые, холёные, без единой мозоли. На мизинце правой руки блестел золотой перстень с печаткой. Никаких следов борьбы. Ни крови.

– Где рана?

– Никак нет-с, раны нету, – вмешался городской, пожилой, с нашивками за выслугу. – Должно, припадок. Или с сердцем дурно. Молодые-с нынче хлипкие пошли.

– Дурак, – спокойно сказал Зыбин. – Ты шею погляди.

На горле титулярного советника, чуть выше тугого воротника мундира, багровел тонкий, почти незаметный синяк. Странный синяк. Не от верёвки и не от грубых пальцев. Словно его душили чем-то мягким и узким, вроде шнура от портьеры или... женской косы.

Зыбин осторожно расстегнул шинель убитого. Под ней, на сюртуке, не хватало одной пуговицы. Золотой имперской, с двуглавым орлом, форменной пуговицы министерства. Она была не оторвана – сукно вокруг было целым, нитки торчали ровно, будто её аккуратно срезали маленькими ножничками.

– Так, – Зыбин поднялся, потирая поясницу. – Всех, кто тело нашёл, ко мне. А вы, господа хорошие, – он обернулся к толпе, – поглядите, может, кто золотую пуговку на мостовой не видел?

В толпе зашептались. Какая пуговка, барин, туман, ничего не видать.

Зыбин подошёл к краю тротуара и взглянул вниз, на свинцовую воду. Нева лениво гнала свою злую, тяжёлую волну. Мысль о пуговице не давала ему покоя. Кому и зачем понадобилось срезать пуговицу с сюртука умирающего?

Он посмотрел на лицо убитого. В нем было что-то странное, помимо смерти. Удивление в глазах казалось не испугом перед убийцей, а скорее растерянностью перед какой-то неожиданной встречей. Будто Лавров встретил здесь, на пустынной набережной, не врага, а человека, которого он никак не ожидал увидеть.

– Туман, – пробормотал Зыбин, поправляя очки. – Всё дело в тумане. В такую погоду люди либо прячутся по домам, либо выходят на очень важные свидания.

Он велел квартальному опечатать комнаты покойного, а сам отправился к отцу убитого, Петру Игнатьевичу. Нюх подсказывал Зыбину, что пуговица эта – не просто потеря. Это был ключ. Ключ к тайне, которую богатый наследник унёс с собой в сырую могилу, оставив на граните набережной лишь удивлённый взгляд да след от тонкого шнурка на шее.

Дом отца, Петра Игнатьевича Лаврова, стоял на Литейном проспекте, тяжёлый, купеческий, с ампирами колоннами, но с какой-то уездной прижимистостью в деталях: ставни на окнах были хоть и крашены, но без лишней роскоши, а дворницкая при входе пропахла не кофеем, а щами и махоркой.

Зыбина провели в зал с низкими сводами и огромным киотом в углу. Пахло ладаном, воском и ещё чем-то сладковатым – то ли лекарством, то ли сушёной малиной. Сам Пётр Игнатьевич сидел под образами в простом сюртуке, широкий в кости, с окладистой седой бородой, но с глазами цепкими, умными, совсем не стариковскими. Перед ним на столе стоял нетронутый стакан чая.

– Смертью сына интересуетесь, господин чиновник? – спросил он глухо, без приветствий. – Садитесь. Рассказывайте.

Зыбин присел на край стула, положил шляпу на колени. Он не любил богатых отцов – те всегда требовали либо невозможного, либо пытались замять дело, если сын оказывался не ангелом.

– Примите мои соболезнования, Пётр Игнатьевич. Дело темное. Скоропостижная смерть при обстоятельствах, вызывающих подозрение.

– Подозрение? – старик нахмурился. – Гриша сердцем слаб был, с детства. Мать моя, царство ей небесное, тоже... того. Мог и сам. Туман, нездоровье...

– На шее вашего сына, – спокойно перебил Зыбин, – след удушения. Тонким предметом. И пропала пуговица с мундира. Золотая, форменная. Срезана аккуратно.

Тишина повисла такая, что стало слышно, как потрескивает лампадка. Старик медленно перекрестился, но лицо его не дрогнуло. Только пальцы, лежавшие на столе, чуть сжались в кулак.

– Пуговица, говорите... – повторил он, глядя куда-то мимо Зыбина. – Глупость какая. Кому нужна пуговица с мундира моего Гриши?

– Затем я и здесь, Пётр Игнатьевич. Скажите, не замечали ли вы за сыном в последнее время чего-то необычного? Может, новые знакомства, странные отлучки, письма?

Лавров-старший молчал долго. Зыбин не торопил, разглядывая обстановку. Дорого, но без вкуса. Иконы в золотых окладах, а рядом – портрет сына, писанный маслом, в изящной европейской раме. Григорий на портрете был красив, тонок, с мечтательными глазами – настоящий аристократ, не чета отцу.

– Новые знакомства, – наконец выдохнул старик, и в голосе его послышалась горечь. – Всегда у него были новые знакомства. Не по чину, не по достатку. В люди вышел, в министерстве служит... служил. Друзья – графе да князья. А мне – "тятя" да "тятя", денег дай. Я давал. Я всё давал.

Он резко поднялся, подошёл к окну, встал спиной к Зыбину.

– Третьего дня приходит поздно. Глаза горят, сам не свой. Говорит: "Тятя, я женюсь". Я, знаете ли, обрадовался. Пора, думаю, остепенится. Спрашиваю: кто невеста? А он мне: "Невеста, говорит, такая, что вы все ахнете. Высший свет, тятя. Не то что наши купеческие дочки с приданым". Я и спрашивать не стал – гордость, что ли, заговорила. Дай, думаю, сам всё скажет, когда время придёт.

Зыбин насторожился.

– Имени не назвал?

– Нет. Только смеялся и говорил, что это дело тонкое, государственное почти. Что он, Гришка, теперь наравне с министрами вхож будет. Я, грешным делом, подумал – пыль в глаза пускает, молодость. А теперь...

Старик резко обернулся. Глаза его были сухи, но в них стояла такая тоска, что Зыбину стало не по себе.

– Вы думаете, это она? Невеста эта?

– Я думаю, Пётр Игнатьевич, – осторожно ответил Зыбин, – что убийство вашего сына – не простая уличная расправа. Слишком тихо, слишком чисто. И пуговица эта... Воровство здесь ни при чём. С мертвого срезать пуговицу – это знак. Или предупреждение. Или, – он поправил очки, – взяли то, что нужно было взять.

– Что нужно? Что можно взять с мёртвого, кроме жизни?

– Тайну, – просто сказал Зыбин. – Может быть, ваш сын знал то, чего не должен был знать. Может быть, он носил при себе нечто, спрятанное под этой пуговицей. Записка, микроскопический рисунок... В министерствах нынче много игр ведётся.

Старик медленно опустился на стул, словно вдруг потерял все силы.

– Комнату его обыскали? – спросил он тихо.

– Обыщут сегодня. Но, думаю, ничего не найдут. Убили не за то, что у него было, а за то, что он мог рассказать. Или за то, кем была эта таинственная невеста.

Лавров-старший закрыл лицо ладонью. Плечи его дрогнули, но он сдержался, не заплакал. Только выдохнул сквозь пальцы:

– Найдите, ваше благородие. Христа ради, найдите. Я откупщик, денег у меня – куры не клюют. Но это... это не за деньги. Это за Гришу. Он один у меня был. Дурак, конечно, ветреник, мать в него пошла... Но мой. Кровь моя.

Зыбин поднялся, поклонился образу в углу.

– Сделаю всё, что в силах человеческих, Пётр Игнатьевич. А что сверх сил человеческих – там уж как Господь управиться.

Уже в дверях он обернулся:

– Последний вопрос. У вашего сына были враги? Явные, тайные – не важно.

Старик поднял голову. В глазах его мелькнуло что-то странное – то ли страх, то ли догадка.

– Враги? У мальчишки, который всю жизнь хотел быть выше своего места? Конечно, были. В министерстве его не любили. Считали выскочкой. А в последнее время... он всё проигрывал в карты.

– Проигрывал? Много?

– Тысяч пять. Я отдал, не шумя. Но люди, которым он проигрывал... нехорошие люди. Из тех, что в Английском клубе не появляются, а в бильярдных под лестницами отираются.

Говорил я ему: не водись с шулерами. А он смеялся: "Тятя, я сам кого хочешь обыграю, я в министерстве такую науку прошёл..."

Зыбин кивнул. Теперь в деле появились шулера, невеста из "высшего света", министерские интриги и золотая пуговица, срезанная с мундира мёртвого юноши. Картина складывалась пёстрая, как лоскутное одеяло, но один лоскут – самый главный – всё ещё отсутствовал.

Выходя на крыльцо, он вдохнул сырой петербургский воздух и подумал: "Кто же ты, невеста? И зачем жениху понадобилось умирать, едва объявив о твоём существовании?"

Туман к полудню так и не рассеялся. Он висел над городом плотной завесой, скрывая и грехи, и тайны, и ту самую золотую пуговицу, которая, быть может, уже покоилась на дне Невы или в чьём-то кармане, готовая обернуться новой смертью.

Глава 2.

Вечером того же дня Зыбин сидел в своей казённой квартирке на Песках, в третьем этаже доходного дома, пахнувшего кошками и щами из общей кухни. Чайник остыл, свеча нагорела, а он всё смотрел на пузырьёк с микстурой от изжоги и думал не о пуговице, не о шулерах и не о таинственной невесте.

Он думал об отце.

Воспоминание пришло некстати, как всегда и бывает с воспоминаниями – в самую неподходящую минуту. За окном выл ветер, где-то во дворе пьяный мастеровой ругал жену, а Зыбину вдруг явственно почудился запах ладана и берёзовых веников.

Отец его, Афанасий Зыбин, был дьяконом в захолустном городке Кромы, Орловской губернии. Служил в церкви Успения, что на погосте, получал гроши, плодил детей и пил горькую, когда мать, исхудавшая от чахотки, перестала вставать с постели. Павлуша, старший из троих выживших, помнил, как отец стоял на коленях перед аналоем и выкрикивал псалмы так, что стёкла дрожали. Криком он молился, криком отпевал мать, криком же и прогонял бедность – не помогало.

После смерти матери Афанасий совсем опустился. Павлушу, десятилетнего мальчика с круглыми очками на носу (очки эти ему выписал уездный лекарь в долг, чтобы "не шурился, как крот"), отправили в Орёл, в духовное училище. Дядя, тоже служитель церкви, устроил, перекрестив на прощание лоб: "Учись, Пашка. Из нашего сословия одна дорога – либо в попы, либо в нищие. Выбирай".

Зыбин выбрал.

В бурсе он не били – он был тих, незаметен и учился так, что преподаватели диву давались. Греческий и латынь щёлкал как орехи, философию схватывал на лету, но в душе его росло не смирение, а глухое, упрямое отвращение ко всему, что пахло ризой и каждением. Он не верил в Бога. Вернее, верил, но не в того, которому молятся в храме. Его Бог жил в книгах, в точных науках, в той неумолимой логике, по которой устроен мир. А мир был устроен подло.

Из семинарии его выгнали с четвёртого курса. За вольнодумство. Кто-то донёс, что Зыбин на спор доказал семинарскому библиотекарю, что Библия полна противоречий. Суда не было, просто вызвали к ректору и сказали: "Ступай, любезный. Нам таких не надо". И пошёл Павлуша в люди – двадцать лет от роду, с пятаком в кармане, очками на носу и ненавистью к несправедливости, которую надо было куда-то девать.

Дальше была Москва. Нищенство, уроки купеческим детям, ночёвки на постоялых дворах. Потом Петербург, случайная встреча с профессором Каверинным, который заметил в тощем юноше острый ум и устроил его переписчиком бумаг в канцелярию. Там, в канцелярии, Зыбин и понял своё призвание.

Он умел читать не написанное, а то, что скрыто между строк. Чиновники строчили доносы, прятали концы в воду, выводили хитрые комбинации с казёнными деньгами, а Зыбин сидел в углу, чинил перья и видел всё насквозь. Начальник отделения, статский советник фон Витте, старый сухарь с глазами навывкате, однажды вызвал его и сказал: "Ты, Зыбин, не в канцелярии служить должен. Ты должен в сыске служить. У тебя нюх, как у легавой. Иди, я похлопочу".

Так он и попал в сыскную часть. Похлопотали. Только вот жалованье там было мизерное, чины давались туго, а благодарности от богатых отцов, чьих детей он находил или чьи дела распутывал, пахли не золотом, а слезами и страхом. Он и сам не заметил, как из молодого, полного надежд правдолюбца превратился в обрюзгшего холостяка с изжогой, который по ночам перечитывал запрещённые книжки и мечтал... А о чём он мечтал?

Мечтал уехать. Купить домик где-нибудь в Финляндии, подальше от петербургской сырости, от доносов, от мёртвых тел на набережных. Сидеть у окна, читать греческих философов в подлиннике и пить чай с мёдом. Чтобы никто не дёргал, не просил, не требовал справедливости, которой всё равно нет. Чтобы тихо. Как в детстве, только без ладана и без материнского кашля за перегородкой.

Но был один секрет, который Зыбин скрывал даже от себя. На самом деле он не хотел уезжать. Ему нравилось это дело. Нравилось распутывать клубки лжи, находить ниточку, которая ведёт к истине. Нравилось смотреть в глаза убийцам и видеть, как в них гаснет последняя надежда отвертеться. Может быть, это была месть. Может быть, так он доказывал миру, что справедливость – не пустой звук, даже если сам он в неё не верит. А может быть, просто ему больше нечего было делать в этой жизни.

Зыбин вздохнул, поправил очки и снова пододвинул к себе бумаги по делу Лаврова. В углу лежал список знакомых покойного, составленный квартальным. Там было много имён. Графе, князья, сослуживцы, купцы. И одно имя, подчёркнутое красным карандашом: Эмилия Карловна Штольц, вдова статского советника, содержательница модного салона на Мойке. Именно у неё, по слухам, Григорий Лавров бывал в последние две недели чуть ли не каждый вечер.

Зыбин посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Поздно. Но в модных салонах жизнь только начинается.

Он натянул сюртук, сунул за пазуху протоколы и вышел в тёмную, сырую ночь. Фонари на Песках горели через один, но Зыбин шёл уверенно – он знал этот город, как свою ладонь. Город, в котором за красивыми фасадами прячутся трущобы, а за изысканными манерами – звериный оскал. Его город. Его судьба.

И где-то в глубине души, под слоем усталости и цинизма, всё ещё теплилась та самая мальчишеская мечта: докопаться до правды. Хотя бы раз. Хотя бы в этом деле.

Дом на Мойке, где жила Эмилия Карловна Штольц, был из тех петербургских особняков, что смотрят на прохожих с надменной скукой. Фасад – строгий, классический, с колоннами и лепниной под фронтоном; окна – огромные, венецианские, задрапированные тяжёлым штофом так, что с улицы не разглядишь ни свечей, ни теней. Только золотистый свет сочился сквозь щели, да слышалась приглушённая музыка – фортепиано играло что-то модное, литовское.

Зыбин постоял минуту на другой стороне улицы, наблюдая. Подъезд был чист, швейцар при параде, у крыльца – две кареты, одна с гербом, вторая попроще, но тоже дорогая. Значит, вечер в разгаре. Он пересёк мостовую, поднялся на крыльцо и дёрнул бронзовую ручку.

Швейцар – мордатый, в ливрее с позументами – преградил дорогу.

– Вам кого, ваше благородие? – спросил он с сомнением, оглядывая поношенную шинель Зыбина и стоптанные калоши.

– Хозяйку. По казённой надобности, – Зыбин сунул ему под нос медную бляху сыскной части. Швейцар крикнул, но посторонился.

В передней пахло духами, воском и жареным мясом. Лакей в белых перчатках принял шинель, покосился на калоши, но смолчал. Зыбин велел доложить о себе и остался ждать в маленькой гостиной у входа, отделанной штофом и зеркалами. Он увидел себя в одном из них и поморщился: очки запотели, волосы растрепались, под глазами мешки. Красавец, ничего не скажешь.

Ждать пришлось недолго. Дверь распахнулась, и вошла она.

Эмилия Карловна Штольц была не молода, но той породы женщин, для которых возраст – лишь приправа к красоте. Лет тридцать пять – тридцать семь, тёмные волосы уложены в сложную причёску с жемчужной нитью, платье тёмно-вишнёвого бархата, глубокий вырез, открывающий точеную шею. Глаза – серые, большие, с поволокой, но в них Зыбин сразу уловил сталь. Такие глаза не врут: эта женщина умела считать чужие слабости и пользоваться ими.

– Господин Зыбин? – голос низкий, с лёгким немецким акцентом. – Мне сказали, вы из сыскальной полиции. Признаться, не ожидала гостей сегодня. У меня вечеринка, гости... Но прошу вас, пройдёте в кабинет, там не так шумно.

Она провела его через анфиладу комнат, мимо гостиной, где за карточными столами сидели мужчины во фраках и дамы в открытых платьях, мимо буфетной, где лакеи разливали шампанское. В кабинете, маленьком, обитом зелёным сукном, пахло сигарами и кожей. На столе – бронзовый канделябр, раскрытая книга на французском и серебряный портсигар.

Эмилия Карловна опустилась в кресло, указала Зыбину на стул напротив. Взяла пахитоску, закурила, не спрашивая разрешения. Дым поплыл к потолку, сизый и пряный.

– Слушаю вас, господин сыщик.

– Вы знали Григория Петровича Лаврова? – спросил Зыбин без предисловий.

Ресницы её дрогнули, но лицо осталось невозмутимым.

– Знала. Бедный мальчик. Какая трагедия... Я слышала утром от знакомых. Утонул? Или сердце?

– Его убили, Эмилия Карловна. Задушили на набережной.

Пахитоска замерла в воздухе. Пауза длилась ровно три удара пульса. Потом она стряхнула пепел в хрустальную пепельницу и произнесла ровно:

– Убили? Господи... Кто?

– Я надеялся, вы поможете мне это выяснить. Говорят, в последние две недели он бывал у вас чуть ли не каждый вечер.

Она улыбнулась – чуть заметно, уголками губ.

– Бывал. У меня бывают многие. Мой салон, знаете ли, открыт для людей со вкусом и умом. Гриша... Григорий Петрович был молод, остроумен, прекрасно воспитан. Он играл в карты, слушал музыку, флиртовал с дамами. Что в этом необычного?

– В этом – ничего. Но вчера вечером он ушёл отсюда и через час был мёртв. Во сколько он покинул ваш дом?

– Около одиннадцати. Уехал один, в своей пролётке. Я видела в окно.

– С кем он говорил здесь? Кто провожал его?

Эмилия Карловна затянулась, выпустила дым колечком.

– Со всеми говорил. Он был душой общества. Но особенно... – она запнулась. – Впрочем, не знаю, стоит ли.

– Стоит, – жёстко сказал Зыбин. – Это убийство.

– Особенно он говорил с князем Оболенским. И с графом Сиверсом. Они сидели в углу за бутылкой мадеры и о чём-то спорили. Я не слышала о чём, но Гриша вышел из-за стола бледный и больше к ним не подходил.

– Князь и граф здесь?

– Оба здесь. Играют в вист в большой гостиной.

Зыбин поднялся. В дверях он обернулся:

– Последний вопрос, сударыня. Ваша девичья фамилия?

Она удивлённо вскинула брови:

– Моя? Штольц – фамилия покойного мужа. А девичья... вам зачем?

– Просто любопытно.

– Фон Рейтерн, – ответила она после паузы. – Мои предки из Прибалтики. Но какое это имеет значение?

– Может, никакого, – Зыбин кивнул на прощание. – Благодарю за содействие. Я ещё вернусь, если потребуется.

Он вышел в коридор, но не пошёл в гостиную, а остановился у окна, глядя на отражение свечей в тёмном стекле. Фон Рейтерн. Эта фамилия где-то мелькала в бумагах Лаврова. Но где? Он не мог вспомнить, и это злило.

Когда он вернулся в дом, в карты играли уже не так оживлённо – новость о полицейском, видимо, разнеслась по гостям. Зыбин подошёл к зелёному столу, за которым сидели двое: один – сухощавый, с бакенбардами и орлиным носом (князь Оболенский), второй – грузный, рыхлый, с красным лицом (граф Сиверс).

– Господа, прошу прощения, что отрываю от игры. Позвольте несколько вопросов о Григории Лаврове.

Князь отложил карты, посмотрел холодно:

– Мы уже слышали о несчастье. Чем мы можем помочь полиции?

– Вчера вы о чём-то спорили с покойным. О чём?

Князь и граф переглянулись. Сиверс кашлянул в кулак:

– Сущие пустяки, господин... э-э.. пристав. Он проиграл нам небольшую сумму, но не захотел отдавать. Сказал, что к утру достанет. Мы, разумеется, не настаивали. Дружеский спор.

– Проиграл? В долг?

– Да, мелочь. Рублей триста.

– А на что он собирался достать к утру? У него не было с собой денег?

Князь пожал плечами:

– Откуда нам знать? Молодой человек был самоуверен. Сказал, что у него есть одна вещь... ценная... он её продаст или заложит.

Зыбин насторожился:

– Какая вещь?

– Не уточнял. Мы не интересовались, – вмешался Сиверс. – Это его дело.

– И вы не знаете, кому он собирался её продать?

– Понятия не имеем.

Зыбин поблагодарил и отошёл. Ценная вещь, которую можно продать ночью. Не золото – ломбарды закрыты. Не бриллианты – их тоже не ночью продают. Что-то такое, что покупают в темноте, без расписок, без свидетелей. Долговая расписка? Компромат? Тайное письмо?

И тут его осенило. Пуговица. Если под ней что-то прятали, это могла быть микроскопическая записка, сложенная в трубочку. Или... или пуговица сама была ценной? Но золотая пуговица с орлом стоит не больше рубля. Не триста же рублей за неё дадут.

Мысли путались. Зыбин вышел на улицу, вдохнул сырой воздух. Мойка чернела за чугунной оградой, фонари отражались в воде дрожащими столбами. Где-то там, в этой воде, могла лежать та самая пуговица. Или уже лежала в кармане убийцы.

Он решил, что завтра же обыщет комнату Лаврова с особой тщательностью. А сейчас – домой, пить соду и думать.

Но дома ждал сюрприз. На пороге его казённой квартиры, прижавшись к косяку, стояла девочка лет двенадцати, в рваном платке и огромных калошах не по размеру. Завидев Зыбина, она шагнула к нему и заговорила скороговоркой:

– Вы господин Зыбин, сыщик? Меня тётка прислала. С Мойки, от госпожи Штольц. Велела тайно передать, чтобы вы пришли завтра к полудню к Казанскому собору. Одни. Дело важное. И никому не рассказывайте.

Девочка сунула ему в руку мятую бумажку и исчезла в темноте лестницы.

Зыбин развернул записку. На клочке, вырванном из бальной книжки, карандашом было нацарапано: «Знаю, кто убил. Приходите одна. Э.Ш.».

Он спрятал бумажку в карман и долго стоял в темноте прихожей, слушая, как за стеной сосед-немец играет на флейте грустную мелодию. Западня? Или ключ к разгадке? Или просто женщина, которая хочет поговорить без свидетелей?

Завтра в полдень. Казанский собор. Он будет там.

Глава 3.

Граф Алексей Платонович Сиверс родился в семье, где золота было больше, чем совести, и меньше, чем долгов. Отец его, обрусевший немец из прибалтийских баронов, проиграл в карты три родовых имения, мать умерла от чахотки, когда Алёше исполнилось семь, и мальчика воспитывали дальние родственники – те самые, что потом отказались дать ему денег на первый взвод в гвардии.

В двадцать лет Сиверс остался один. Без состояния, без связей, но с графским титулом, красивым лицом и пониманием одной простой истины: в этом мире либо ты ешь, либо едят тебя. Он выбрал первое.

Служба в гвардии далась ему легко – там ценили умение держать спину прямо и вовремя кланяться. Но настоящее его призвание открылось случайно, в один дождливый вечер, когда в офицерском собрании сели играть в штосс. Сиверс проиграл тогда всё жалованье до копейки, лёг спать голодным, а наутро понял: он понял правила. Не карточной игры – человеческой натуры.

К тридцати пяти годам он был мастером. Не шулером в пошлом смысле – крапленые карты и напёрстки были для уличных мазуриков. Сиверс играл чисто, но умел одно: читать противника. По дрожи пальцев, по расширенному зрачку, по тому, как быстро игрок тянется к рюмке. Он знал, когда поддать жару, а когда дать выиграть, чтобы жертва вошла во вкус. Он знал, что самый верный способ посадить человека на иглу – не выигрывать у него, а позволить ему выиграть. В первый раз. А потом – потихоньку затягивать петлю.

Григорий Лавров попался на его глаза прошлой осенью, в Английском клубе. Сиверс сразу заметил этого щенка: дорогой сюртук, но сшитый не у лучшего портного; манеры, выдающие купеческое происхождение, хоть и облагороженные министерской выучкой; и главное – горящие глаза. Лавров хотел быть своим. Хотел так сильно, что это желание сочилось из него, как пот.

– Кто этот молодой человек? – спросил Сиверс у князя Оболенского, кивая в сторону Лаврова, который стоял у буфетной стойки и явно не знал, куда деть руки.

– Лавров, из министерства. Сын откупщика. Денег куры не клюют, а в свет лезет. Забавный, право.

– Денег куры не клюют? – переспросил Сиверс, и в глазах его мелькнул холодный интерес.

– Ну, у отца. У самого пока тысяч пять годового дохода, не больше. Но отец не отказывает, слышно. Тянет сынка в люди.

Сиверс кивнул и забыл. До поры.

Встретились они снова в декабре, на балу у княгини Щербатовой. Лавров танцевал мазурку с какой-то фрейлиной и сиял, как начищенный самовар. Сиверс подошёл к нему у буфета, когда юноша пил шампанское в одиночестве.

– Граф Сиверс, – представился он, протягивая руку. – А вы, кажется, Лавров? Мне говорили о вас. Говорят, вы делаете блестящую карьеру в министерстве.

Лавров покраснел от удовольствия. Граф! Сам граф Сиверс знает его фамилию!

– Помилуйте, граф, какие там блестящие успехи... Служу по мере сил.

– Скромность украшает молодого человека, – улыбнулся Сиверс. – Но, знаете, я слышал, вы играете в карты?

Лавров замялся. Играл он плохо и знал это. В министерстве играли по маленькой, по чиновничьи – на интерес, не на деньги. Но признаться в этом графу было стыдно.

– Немного, – сказал он.

– Прекрасно. У меня по четвергам собираются свои. Партия в вист, ужин, приятное общество. Графиня Воронцова, князь Оболенский, ещё несколько человек. Не хотите присоединиться? Будем рады.

Лавров чуть не задохнулся от счастья. Графиня Воронцова! Князь Оболенский! Это был вход в круг, о котором он мечтал. Он согласился, даже не спросив, на что играют.

Первый четверг был сказкой. Сиверс усадил его за стол, сам сдавал, сам следил за игрой. Лавров проиграл сто рублей – сущие пустяки, отец таких денег не замечал. Зато он пил шампанское из хрустала, курил сигары, которые подавали на серебряном подносе, и слушал, как графиня Воронцова называет его "милый Гриша".

Второй четверг он выиграл триста. Сиверс проиграл ему якобы случайно, с досадой отодвинув кресло: "Везёт же новичкам!". Лавров упивался победой. Впервые в жизни он обыграл графа! Он чувствовал себя равным среди равных.

Третий четверг он проиграл пятьсот. И не заметил, как это случилось. Просто карта не шла, а Сиверс вдруг перестал проигрывать. Лавров полез в бумажник, расплатился и подумал: бывает. В следующий раз повезёт.

Четвёртый четверг он проиграл тысячу. Пятьсот – сразу, ещё пятьсот – в долг, под честное слово. Сиверс был сама любезность: "Помилуйте, Григорий Петрович, какие счёты между своими? Отдадите, когда будет удобно".

Пятый четверг Лавров пришёл бледный. Денег у него не было – он занял у приятеля в министерстве, но и те проиграл за час. Тогда Сиверс предложил сыграть "на интерес". На расписку. На вексель.

– Шутите, граф? – Лавров побледнел ещё больше. – Какой вексель? У меня нет...

– У вашего батюшки есть, – мягко сказал Сиверс. – Одна ваша подпись, и мы квиты. А в следующий раз непременно отыграетесь.

Лавров подписал. Потом подписал ещё раз. И ещё. Через месяц он должен Сиверсу пять тысяч – сумму, о которой не смел и заикнуться отцу. А Сиверс, глядя на него масляными глазами, похлопывал по плечу и говорил: "Не вешай носа, голубчик. Все перемелется. Мука будет".

Но мука не мололась. Лавров проигрывал снова и снова. Он уже не замечал, что партнёры меняются, что князь Оболенский то садится за стол, то выходит, что Сиверс всегда оказывается рядом, когда карта идёт плохо. Он был как муха в паутине: чем больше дёргался, тем сильнее вяз.

И вот вчера, за час до смерти, он сидел в салоне Штольц и спорил с Сиверсом. Спорил не о картах – о деньгах. О тех самых пяти тысячах, которые граф требовал немедленно.

– У меня нет сейчас, граф! – шипел Лавров, стараясь, чтобы никто не слышал. – Отец даст, но не сегодня. Дайте мне неделю!

– Неделю, – усмехнулся Сиверс. – А проценты? Вы знаете, Григорий Петрович, я человек терпеливый, но долги надо платить. Или... у вас есть чем расплатиться?

Лавров молчал. Он знал, что есть. Та самая вещь, которую он носил под пуговицей. Вещь, которая стоила дороже пяти тысяч. Но отдать её Сиверсу значило предать... Кого? Он и сам не знал. Но чутьё подсказывало: нельзя.

– Я достану, – выдавил он. – К утру.

– К утру? – Сиверс прищурился. – Где же вы достанете пять тысяч ночью?

– Это моё дело.

Сиверс посмотрел на него долгим взглядом, потом кивнул:

– Хорошо. До завтра. Но помните, Григорий Петрович: шутить со мной не советую.

Он отошёл, а Лавров остался стоять у окна, глядя на огни Мойки. Через час он вышел из салона. Через два его нашли мёртвым.

Теперь Сиверс сидел в гостиной графини Штольц и тасовал колоду, когда вошёл Зыбин. Лицо его было спокойно, руки не дрожали. Только в глубине зрачков, когда прозвучала фамилия Лаврова, мелькнуло что-то похожее на тень. На мгновение. Но Зыбин, с его нюхом, это заметил.

– Граф, – сказал он, прощаясь. – Надеюсь, мы ещё увидимся.

Сиверс поклонился с изысканной вежливостью:

– Всегда к вашим услугам, господин сыщик.

А про себя подумал: "Этот очкарик опасен. Надо быть осторожнее".

И в эту же минуту, на лестнице, девочка в рваном платке уже бежала к Зыбину с запиской от Эмилии Карловны. Колесо завертелось.

Глава 4.

Зыбин стоял на лестнице и смотрел вслед девочке, которая исчезла в темноте так же внезапно, как появилась. Только стук калош по ступеням ещё доносился снизу, да скрипнула дверь чёрного хода. Потом всё стихло.

Он вернулся в квартиру, зажёл свечу и долго сидел за столом, вертя в пальцах мятый клочок бумаги. «Знаю, кто убил. Приходите одна. Э.Ш.» Почерк был торопливый, женский, с немецкими завитками. Записка пахла духами – теми самыми, что он уловил в кабинете Штольца: горьковатый ирис и что-то восточное, тягучее.

Спать он лёг за полночь, но сон не шёл. Ворочался, слушал флейту соседа-немца, думал о пуговице, о графе Сиверсе с его масляными глазами, о князе Оболенском, который слишком быстро отвёл взгляд, когда речь зашла о проигрыше. И о ней. О женщине в вишнёвом бархате, которая курила пахитоску в зелёном кабинете и смотрела на него с холодным любопытством.

Чего она хочет? Зачем зовёт тайно, через ночную посыльную, если могла сказать всё при гостях? Или не могла?

Утром он встал разбитый, выпил цикорию, проглотил порошок от изжоги и долго чистил сюртук – тот самый, парадный, который берег для особых случаев. Сюртук был стар, но приличен, пуговицы начищены мелом, воротник не засален. Зыбин посмотрел на себя в мутное зеркало, поправил очки и решил, что сойдёт.

Казанский собор встретил его гулом колоколов и толпой нищих у паперти. Зыбин раздал несколько медяков, вошёл под своды. Внутри было сумрачно, торжественно и сыро, пахло ладаном и воском. Служба уже кончилась, в храме бродили редкие прихожане – старухи в тёмных платках, чиновник с женой, офицер, прикладывающийся к иконе.

Эмили Карловны не было.

Зыбин прошёл к Казанской иконе, постоял, делая вид, что молится. Краем глаза он наблюдал за входом. Минута шла за минутой. Десять. Двадцать. Полдень давно миновал.

Он уже решил, что его провели, когда почувствовал лёгкое прикосновение к рукаву. Обернулся – рядом стояла та самая девочка. В том же рваном платке, но без калош – босая, несмотря на холод. Глаза у неё были большие, серые, испуганные.

– Дяденька сыщик, – зашептала она, озираясь. – Тётка велела передать: не приходите к собору. Туда нельзя. Там её люди.

– Чьи люди? – Зыбин наклонился к ней. – Где она?

– Она в другом месте. Я провожу. Только вы за мной идите, не близко. И если увидят – бегите сразу. Она сказала: они убьют и меня, и её, если узнают.

Зыбин выпрямился. Сердце забилося чаще – не от страха, от азарта. Значит, не обман. Значит, действительно есть что-то важное.

– Веди, – сказал он тихо. – Я пойду следом.

Девочка скользнула к выходу, и Зыбин двинулся за ней, стараясь держаться в толпе, не приближаясь слишком близко. Она вела его переулками, мимо Гостиного двора, мимо каналов, туда, где дома становились ниже, а народ – беднее. Наконец они вышли к Сенной. Здесь воняло рыбой, капустой и прелой соломой, кричали торговки, бегали чумазы ребятишки.

Девочка нырнула в подворотню одного из доходных домов, Зыбин – за ней. Воняло кошками и помойкой. Тёмная лестница, скользкие ступени. Поднялись на третий этаж. Девочка постучала в обитую рваным войлоком дверь – два раза коротко, один длинный.

Дверь приоткрылась, щёлкнул засов. И Зыбин вошёл.

Комната была маленькая, бедная, но чистая. Железная кровать, сундук, стол под выцветшей скатертью, лампадка перед образом. У окна, задернутого ситцевой занавеской, стояла Эмилия Карловна Штольц.

Только это была не та Штольц, что принимала гостей в вишнёвом бархате. На ней было простое тёмное платье, голова покрыта дешёвым платком, лицо бледное, без пудры и румян, под глазами тени. Но глаза горели тем же стальным огнём.

– Слава Богу, пришли, – выдохнула она. – Я боялась, что перехватят.

– Кто перехватит? – спросил Зыбин, оглядываясь. – И что это за конспирация? Почему не могли говорить у вас?

– Потому что у меня – шпионы, – горько усмехнулась она. – Весь дом наспигован людьми Сиверса. Каждый лакей, каждый поварёнок – всё его глаза и уши. Я не знала, кому довериться, кроме Кати.

Она кивнула на девочку, которая забилась в угол на сундуке и смотрела на них во все глаза.

– Катя – дочь моей горничной, умершей в прошлом году. Я её приютила, она мне верна. Больше у меня никого нет.

– Так что вы хотели сказать? – Зыбин присел на край стула, не снимая шляпы. – Вы знаете, кто убил Лаврова?

Эмилия Карловна подошла к столу, налила из графина воды, выпила, не садясь.

– Знаю. Это Сиверс.

– У вас есть доказательства?

– Есть. – Она помолчала. – Вернее, были. Гриша... Григорий Петрович... перед смертью отдал мне одну вещь. Сказал: «Если со мной что случится, передайте сыщику. Только никому больше».

– Что за вещь?

Эмилия Карловна полезла за пазуху и вынула маленький замшевый мешочек на шнурке. Развязала, встряхнула на ладонь. Зыбин ахнул.

Это была пуговица. Золотая, форменная, с двуглавым орлом. Та самая.

– Она была у вас? – он вскочил. – Но как? Мы обыскивали карманы...

– Она была не в кармане, – перебила Штольц. – Гриша носил её на шее, под рубашкой. На шёлковом шнурке. Я сама видела, когда он расстегнул воротник в тот вечер. Он сказал, что это талисман. Глупо, правда?

– А шнурок? – спросил Зыбин, чувствуя, как холодок бежит по спине. – Тонкий шёлковый шнурок?

– Да. А что?

Зыбин закрыл глаза на мгновение. Тонкий шнурок. След на шее. Вот чем его душили. Сорвали пуговицу вместе со шнурком. Или сначала сорвали пуговицу, а шнурок остался на шее, и им же...

– Что в пуговице? – спросил он хрипло. – Там что-то внутри?

– Откуда вы знаете? – удивилась женщина. – Да. Там спрятана бумажка. Микроскопическая, свёрнутая в трубочку. Гриша говорил, это его спасение. Что если он отдаст это Сиверсу, то долг простят. Но он не хотел отдавать. Говорил, это подло, это погубит невинных.

– Можно посмотреть?

Эмилия Карловна покачала головой:

– Не здесь. Если нас найдут с этой пуговицей – убьют обоих. Я потому и позвала вас сюда, в эту конуру. Катина тётка пустила на час за рубль. Здесь нас не найдут.

– Кто ещё знает, что пуговица у вас?

– Никто. Гриша отдал мне её вчера вечером, перед уходом. Сказал: «Эмилия, спрячьте. Я боюсь, что Сиверс меня убьёт, если не отдам. А отдать не могу – это честь». Я спрятала за корсаж. А через час принесли весть, что он мёртв.

Она закрыла лицо руками. Плечи её затряслись. Зыбин молчал, давая ей время.

Наконец она подняла голову. Глаза были сухи, но в них стояла такая боль, что Зыбину стало не по себе.

– Я любила его, – сказала она просто. – Глупо, да? Старая вдова, салонная львица... А он был светом в окошке. Я знала, что он не моего круга, что он молод, что отец его не позволит... Но я любила.

Зыбин кашлянул, отводя взгляд. Он не умел утешать.

– Нам нужно открыть пуговицу, – сказал он. – Здесь и сейчас. А потом я спрячу вас в надёжном месте.

– У меня есть Катя.

– Катя поедет с вами. Где вещи?

– Вещей нет. Я ушла из дому тайно, как была. Они хватятся только к вечеру.

Зыбин кивнул. Он достал перочинный ножик, протянул руку. Эмилия Карловна положила пуговицу на стол.

Он долго возился, поддевая край золотого ободка. Пуговица была полая, склеенная по шву. Наконец крышка поддалась, и на скатерть выпала крошечная трубочка папиросной бумаги, свёрнутая так туго, что казалась вощёной ниткой.

Зыбин развернул её дрожащими пальцами. Буквы были мелкими, бисерными, но чёткими. Он поднёс бумажку к свече и прочитал вслух:

– «Список агентов русского отделения Третьего отделения в Берлине, Вене и Париже. Заверено лично графом Сиверсом при свидетелях...»

Он не договорил. Эмилия Карловна ахнула и схватилась за сердце.

– Боже мой... Гриша... Он украл это у Сиверса?

– Не украл, – медленно проговорил Зыбин, перечитывая строки. – Скорее, скопировал. Или купил. Это список тайных осведомителей. Людей, которые доносят на своих же, русских эмигрантов, революционеров, просто неблагонадёжных. Если этот список попадёт не в те руки...

– Он попадёт в те руки, – раздался голос от двери.

Все трое обернулись.

Дверь была распахнута. На пороге стоял граф Сиверс. За его спиной темнели двое – мрачные типы в поддёрках, с мордами наёмных убийц.

– Добрый день, господин Зыбин, – улыбнулся Сиверс. – А я всё гадал, куда это запропастилась наша дорогая Эмилия Карловна. Катину тётку мы нашли быстро – рубль она взяла и с нас. Зачем платить одной стороне, когда можно получить с обеих?

Катя в углу всхлипнула и зажала рот ладошкой.

Зыбин медленно поднялся, пряча бумажку в кулак.

– Граф, вы совершаете ошибку. Убийство чиновника сыскной полиции...

– О, я не собираюсь вас убивать, – перебил Сиверс. – Пока. Вы отдадите мне бумагу, и мы разойдёмся миром. А с Эмилией Карловной... у нас будет отдельный разговор.

– Не подходите, – Зыбин сделал шаг назад, к окну. – Я выброшу её в форточку. На Сенной полно народу, кто-нибудь подберёт.

– Бросите – и я прикажу своим людям обыскать каждый аршин грязи. А вас обоих... – Сиверс щёлкнул пальцами. Мрачные типы шагнули в комнату.

И в эту секунду Катя, сидевшая на сундуке, сделала то, чего никто не ожидал. Она метнулась к столу, схватила тяжёлый чугунный утюг и со всего размаху швырнула его в лампу.

Лампа разбилась, керосин брызнул во все стороны, комната погрузилась во тьму, только язычки пламени заплясали на полу.

– Бегите! – закричала девочка. – В окно! Я их задержу!

Зыбин схватил Эмилию Карловну за руку, рванул оконную задвижку. Внизу был двор, помойка, кучи мусора. Высоко, но выбора нет.

– Прыгайте! – крикнул он женщине и, не дожидаясь, пока она решится, толкнул её в окно.

Сзади грохнул выстрел, пуля впилась в косяк. Сиверс стрелял наугад в темноте.

Зыбин обернулся на мгновение и увидел Катю: она вцепилась зубами в руку одного из громил и висела на ней, как собачонка. Второй пытался зажечь спичку.

– Катя, прыгай! – заорал Зыбин.

Но девочка только мотнула головой и зарычала сквозь стиснутые зубы.

Зыбин прыгнул.

Он упал в мусор, больно ударившись плечом. Рядом застонала Эмилия Карловна. Над головой, в окне третьего этажа, полыхало пламя – керосин разгорался. И в этом пламени металась маленькая тень.

– Катя! – закричала Эмилия Карловна.

Из окна вылетело что-то чёрное и с глухим стуком упало рядом. Это был сапог. Один из громил потерял обувь в суматохе. А потом раздался ещё один выстрел, и Катин крик оборвался.

Зыбин подхватил женщину под руку и потащил прочь, в подворотню, в лабиринт Сенной, где в этой суматохе их никто не найдёт.

В руке он сжимал драгоценную бумажку. Список, ради которого погибли Григорий Лавров и маленькая Катя. Список, который теперь стоил жизни и ему самому.

Они бежали переулками Сенной, петляя между поленницами дров, мусорными кучами и пьяными мастеровыми, что выползали из кабаков. Зыбин тащил Эмилию Карловну за руку, не давая ей оглянуться. Сзади, над крышами, уже поднимался столб чёрного дыма – горел тот самый доходный дом. Где-то завывли пожарные рожки, застучали колёса бочек с водой, загомонил толпа.

– Катя... – всхлипывала женщина на бегу. – Господи, Катя...

– Молчите! – шипел Зыбин. – Нас убьют, если остановимся.

Они вылетели на Садовую, смешались с толпой. Зыбин оглянулся – погони не было. Сиверс со своими людьми либо застрял в пожаре, либо решил не светиться прилюдно. Убийство среди бела дня на глазах у сотен свидетелей – даже для графа это слишком.

– Сюда, – он свернул во дворы, к каналу.

Через десять минут они стояли у чёрного хода какого-то доходного дома на набережной Фонтанки. Зыбин вытер пот со лба, поправил очки – одно стекло треснуло при падении, мир раздвоился.

– Где мы? – спросила Эмилия Карловна, всё ещё задыхаясь.

– У меня есть здесь знакомый, – коротко ответил Зыбин. – Отставной унтер, сторожем служит. Пустит переночевать. Дальше решим.

Он постучал условным стуком: три коротких, два длинных. Дверь приоткрылась, высунулась лохматая борода.

– Павел Афанасьич? Ты ли? – удивился старик. – А это кто с тобой?

– Потом, Никодим. Пусти, Христа ради. Беда.

Старик впустил их в каморку, пропахшую махоркой и сапожным варом. Здесь была железная койка, стол, два табурета, печка-буржуйка. Зыбин усадил женщину на табурет, сам сел на койку, тяжело дыша.

Эмилия Карловна сидела, закрыв лицо руками. Плечи её вздрагивали, но она молчала. Только когда старик вышел за водой, прошептала:

– Из-за меня... из-за меня Катя погибла...

– Из-за Сиверса, – поправил Зыбин. – И из-за того, что ваш Гриша влез в такие игры, где детям не место. Вы знали, чем он занимается?

– Знала, что служит в министерстве. Знала, что у него неприятности с картами. А про шпионов... Господи, да разве я думала? Он казался таким чистым, таким наивным...

– Наивные в шпионов не играют, – жёстко сказал Зыбин. – Скорее, его втянули. Сиверс, судя по всему, имеет связи в Третьем отделении. Может, сам на них работает, может, торгует секретами. А Лавров случайно наткнулся на этот список и скопировал. Хотел использовать как козырь против Сиверса? Или продать? Теперь не узнаем.

Он развернул бумажку, снова вчитался в бисерные строчки. Фамилии, явки, псевдонимы. Половина – немецкие, французские. Но были и русские. Люди, которые за границей следят за своими же, пишут доносы, продают родину за тридцать сребреников. Если этот список обнародовать – грянет скандал на всю Европу. Третье отделение этого не допустит. Они скорее убьют всех свидетелей.

– Что теперь делать? – спросила Эмилия Карловна, поднимая заплаканное лицо.

– Думать, – Зыбин потёр переносицу. – В полицию идти нельзя. Сиверс, возможно, купил половину чинов. В Третье отделение – тем более. Там его люди. Остаётся одно: найти того, кому можно доверять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.